

Бор - 19

↑ МОЖА

МУЗЕЙ
БОРОДИН

Храм в Вязьме

Исторические параллели

БОРОДИНСКАЯ БИТВА

5 ЛЕТ СПУСТЯ

Б.М. СЕРГЕЕВ,
старший преподаватель
кафедры рисунка

В марте этого года мне наконец-то довелось оказаться на знаменитом Бородинском поле.

Это было мое давнее желание, но как-то все не складывалось: то со временем, то с деньгами, а то и с погодой. Я хотя издавна увлечен был славой 1812 года, знал места сражений,

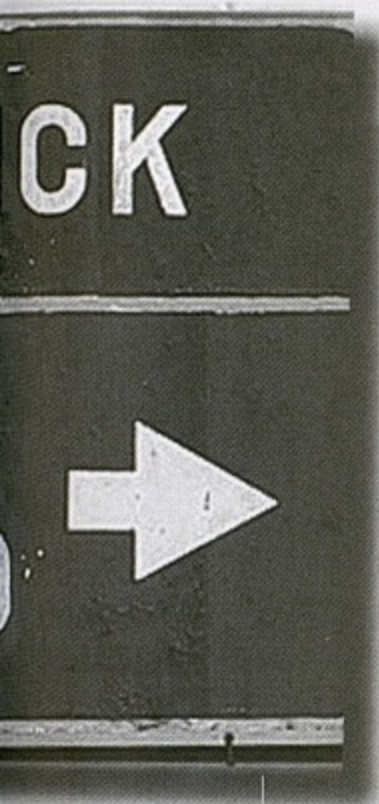
формы и цвета полков, имена маршалов и генералов, но побывать на месте величайшей из битв XIX века не приходилось. В марте случилась оказия: позвали в поездку в Болдин монастырь под Дорогобужем, да заодно и в Смоленск надобно было, проработать отлитую в бронзе скульптуру (там хорошая литейная мастерская). Наша небольшая группа во

главе с президентом фонда «Синергия» Б.И. Царевым поехала из Москвы по местам, связанным с именем замечательного реставратора Петра Дмитриевича Барановского, человека, обладавшего высочайшей культурой и беспредельной смелостью, не побоявшегося когда-то накричать на всесильного и страшного, уничтожавшего памятники русской культуры Кагановича. Этим поступком он спас храм Покрова на «на рву», более известного нам как Василия Блаженного. Отсидев, как положено, срок в лагере, П.Д. Барановский по рекомендации И.Э. Грабаря был включен в комиссию по учету разрушенных гитлеровцами памятников во время войны. Он восстанавливал храмы в Смоленске, Чернигове, Вязьме, преобразил Крутицкое

подворье в Москве, возвратив этому замечательному памятнику русской архитектуры первоначальный вид. С Болдинским монастырем у него были связаны первые и последние годы жизни. Там он получил первые яркие детские впечатления от красоты русской архитектуры и туда же приехал восстанавливать полностью взорванный немцами комплекс монастыря. Ныне восстановлены колокольня, трапезная с церковью, возрождается главный храм монастыря, над которым ныне не первый десяток лет трудится ученик Петра Дмитриевича А.М. Пономарев, ехавший с нами.

Болдинский монастырь был основан в XVI веке преподобным Герасимом в местах в то время беспокойных, пограничных с Литвой, кишевших

Старая смоленская дорога.

разбойниками. Много трудов положено было святым подвижником в этих местах. Богатый и славный монастырь не раз страдал от войн и разорений. Он был полностью уничтожен вначале коммунистами, затем немецкими войсками. Наконец-то годы безбожия минули и, будем надеяться, безвозвратно, — в настоящее время монастырь действующий. Помимо всего, он также связан с памятью 1812 года, ибо проходил тут путь завоевателей к Москве и обратно. Сохранилось описание офицера наполеоновской армии Роса: «На полдороге, а приблизительно на версту вправо от большой дороги, мы увидели монастырь Болдино, о котором у нас ходила молва, что это женский монастырь, в котором французы, помимо грабежа, насильственным и весьма нехристианским образом предавались любви». А уже при отступлении завоевателей «русский офицер Бутурлин видел, как возле Болдина монастыря три француза жарили четвертого, только что умершего. Многие с жадностью пожирали сырую падаль, терзали зубами мертвые тела. Было ужасно видеть и теперь страшно вспомнить все страдание людей, которых завели бесславно умирать в чужую сторону».

Из Болдина мы заехали в Дорогобуж, родину П.Д. Барановского. В городе, изумительно красиво расположенном по холмам на берегах Днепра, из былого великолепия храмов ничего не сохранилось. Все было уничтожено коммунистами и dokonчено гитлеровцами. Лишь валы городища помнят, как выбивали оттуда маршала Нея, прикрывавшего отступление французов в 1812 году, да братские могилы воинов двух Отечественных войн. А от удивительной красоты храмов города не осталось ничего. Поистине самая страшная религия — атеизм. Не сохранилось ничего и в бывшем имении Славково, где некогда была ставка Наполеона, которую он приказал уничтожить при отступлении. Теперь лишь несколько старых лиственниц напоминают о былом; зато порадовал своей дивной гармонией храм в Алексине, где расположена нынче самая большая сохранившаяся господская усадьба в России. Прекрасной архитектуры дом-дворец, огромные дубы, пруды, хозяйственный двор в стиле замка, но все требует рук, денег, хозяина,

и приходит грустная мысль, что никогда еще русская земля не была так разорена, как ныне.

Но вот уже ехали мы по Смоленской дороге, и на подъезде к самому Смоленску пошли холмы, спуски, подъемы, и мы, с еще одним из учеников П.Д. Барановского, замечательным искусствоведом, в 60-е годы пробившем и издавшем знаменитую пластинку «Ростовские звоны», вспоминали, что здесь, в 15 километрах от Смоленска, 18 августа 1812 года произошел упорный и кровавый бой русского отряда под командованием генерала Тучкова с французским авангардом, рвавшимся перерезать путь отступающей русской армии, отрезать ее обозы, артиллерию. Тяжело раненый генерал Тучков был захвачен в плен в штыковом бою, но армия была спасена...

Смоленск встретил нас тихой, теплой погодой. Возвышался над городом собор, великолепные стены и башни замечательного русского зодчего Федора Коня стояли на страже, как и в 1812 году, когда рвались к городу солдаты под предводительством Наполеона, заваливая трупами французов и русских крепостные ворота и предместья Смоленска. Не все башни уцелели от тех времен, ибо цивилизованный император Франции приказал взорвать все башни и стены Смоленска. Позже это случится с соборами и башнями Московского кремля. В Смоленске не получилось, хотя восемь башен крепости были все же взорваны. Интересно, что сказала бы Европа, если бы варвары-русские, войдя в Париж взорвали бы Лувр, Пантеон, обратили в конюшни Нотр-Дам-де-Пари, Сен-Эташ? А пока, под заходящим солнцем, мы успели еще полюбоваться церковью Михаила Архангела XII века, засняли на пленку дивный храм Петра и Павла, тоже XII века, восстановленные П.Д. Барановским. Явственно была видна в них великая культура Византии, перенесенная на Русь и благодарно ею принятая, пустившая уже здесь свои корни.

День спустя мы ехали уже другой дорогой, остановившись на несколько часов в старинной Вязьме, где чудной красоты трехшатровый храм XVI века, опять же восстановленный П.Д. Барановскими, где память вызывает события 1812 года о жестоком сражении, длившемся «10 часов сряду»; наконец, наши

полки — Кексгольмский и Перновский, распустив знамена, с музыкой и барабанным боем ворвались в город. Неприятель был вытеснен. «Вяземское сражение по своим результатам являлось поворотным пунктом в военных успехах Наполеоновской армии, — так писал в 1912 году историк В.М. Воропаевский: «Это был трудный и тяжелый день; дальше наступил холод, доконавший многонациональную армию».

От Вязьмы мы ехали быстро, мимо Царёва Займища, куда прибыл назначенный императором Александром новый главнокомандующий М.И. Кутузов; доехали до Колоцкого монастыря. Сейчас это действующий женский монастырь, ныне тоже отстраивающийся после разорения; но сохранились храм и колокольня, с которой Наполеон обозревал на подходе своей армии Бородинское поле, а также келейные корпуса, куда в день сражения свезли свыше 10 тысяч раненых солдат его армии. Отсюда до Бородина Бонапарту уже рукой было подать, но сначала был Шевардинский редут, за которым дрались 5 сентября до самой ночи. В 7 часов вечера, в спускающихся сумерках, отряд раненого генерала Горчакова оставил полуразрушенный редут. Бой продолжался в темноте, где при вспышках выстрелов противники продолжали наносить друг другу потери. Холм, где все это происходило, и в настоящее время продолжает выситься вблизи памятника солдатам Великой армии, который был привезён из Франции в 1912 г. Здесь был наблюдательный пункт императора, и бронзовый орёл на гранитном обелиске и сейчас смотрит в сторону позиции русского левого фланга, с расположенными там знаменитыми флешами — треугольного вида укреплениями в виде земляных валов со рвом. Не такие уж высокие, не такие уж и мощные, но крови за них пролилось с двух сторон очень и очень много. Здесь был ранен знаменитый Багратион — один из лучших русских генералов, здесь получил рану и князь С. Воронцов, храбрец и умница, командовавший

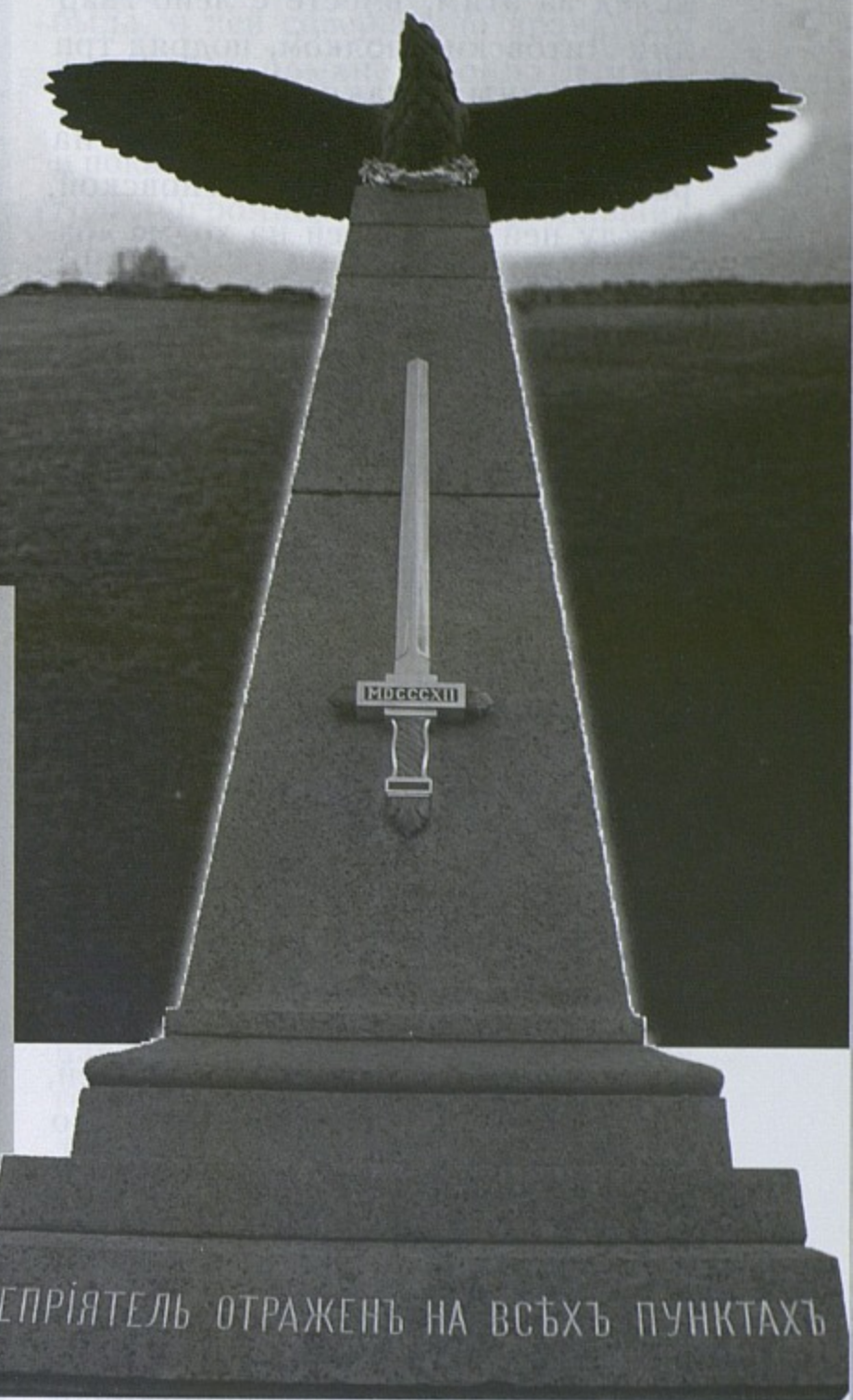

Фото www.yandex.ru

дивизией, от которой осталось в строю около 300 солдат и были ранены все офицеры. Как писал сам Воронцов: «Мне выпала судьба быть первым в длинном списке генералов, выбывших из строя в этот ужасный день». Здесь находится и могила генерала Неверовского, чья дивизия, состоявшая из 8 тысяч новобранцев, обессмертила себя ещё у Смоленска, прорываясь к городу против 20-тысячной кавалерии маршала Мюрата. Эти новобранцы выдержали более 40 атак и на целые сутки сдержали нападение французов на Смоленск.

И эта же дивизия сражалась здесь, у Багратионовых флешей.

Здесь же у левой флешей был убит 24-летний генерал Тучков четвертый, со знаменем в руках ведший полк в атаку. Его тела не нашли в гряде погибших, а молодая вдова Маргарита Михайловна Тучкова воздвигла на этом месте в 1820 году Спасо-Бородинский монастырь. Позже она стала его настоятельницей, введя традицию отмечать годовщину битвы крестным ходом и панихидой. Помните у Цветаевой стихотворение «генералам 12 года»? Ещё один из братьев Тучковых был

убит ядром на крайнем левом фланге, возле Утицкого кургана, ныне расположенного за железнодорожной станцией «Бородино», где его корпус сражался с поляками Понятовского и вестфальцами Жюно.

Чуть позади монастыря проходит ручей и расположена деревня Семеновская. Тогда, в день сражения, она была сожжена, и на берегах ручья проходила линия обороны русских войск, отошедших от захваченных неприятелем после ранения Багратиона флешей. Именно с этой точки написана знаменитая панорама Ф. Рубо «Бородинская битва», и здесь русские стояли до конца дня 7 сентября 1812 г. Помимо храма Спасо-Бородинского монастыря, на поле видны многочисленные памятники, поставленные на средства полков, принимавших участие в сражении при Бородине. Бронзовые орлы, каменные обелиски и каре-кубы, как, например, гвардейским полкам Литовскому и Измайловскому.

Исторические параллели

Лейб-гвардии Измайловский полк, простояв под жесточайшим огнем 150 французских пушек, расположенных напротив, потерял, не сделав ни одного выстрела, 800 человек и трех командиров подряд, отразив вслед за этим, вместе с лейб-гвардии Литовским полком, подряд три грандиозных атаки французской тяжелой кавалерии. Это было на равнине за деревней Семеновской, между ней и стоящей на холме «батарея Раевского».

Сохранилось описание этой местности после битвы: «Целыми линиями русские полки лежали распротертыми на окровавленной земле и этим свидетельствовали, что они предпочли умереть, чем отступить хотя на один шаг», — так писал французский офицер Боссе. Неподалеку тогда находился генерал Барклай де Толли, спасший русскую армию от границы до Смоленска. Одетый в парадный, с лентой через плечо мундир, в треугольной шляпе, с развевающимися под дувшим тогда сильным холодным ветром черными перьями, он был прекрасной мишенью. Под ним убивало лошадей, гибли вокруг его адъютанты, но пули не касались его, храня для будущей славы заграничного похода, командования в «Битве народов» под Лейпцигом, взятия Парижа, будущего фельдмаршальства. Холм, или, как его называли, «курганная высота» — русские и «ужасный редут» — французы, для нас известен как «батарея Раевского», чей корпус защищал это место. Сейчас это невысокий холм, распаханый еще в XIX веке с восстановленной ныне частью укреплений.

Я стоял на вершине этого центрального и кровавого пункта битвы, смотрел на поле, деревушки, рощицы, и в памяти были строки, написанные Денисом Давыдовым из его элегии «Бородинское поле»: «Умолкшие поля, дол некогда кровавый...» Стояла тишина, сиял золотом вверху под последними лучами низкого солнца купол с крестом, венчающий чугунную колонну 1839 года на вершине холма. Могила Багратиона, чьи останки были перенесены сюда в 1839 году, здесь же. И это надгробие грузинскому князю и русскому генералу, за Россию отдавшего жизнь, было немым, но красноречивым укором нынешним политикам из Тбилиси, требующим вынести прах А.С. Грибоедова из Грузинского пантеона

Болдинский монастырь.

по причине того, что он русский. Могила эта, оскверненная и взорванная в советское время в 1932 году, но восстановленная ныне, напоминает об уникальности Российской империи, гнусно оболганной «тюрьмой народов», где могли стать генералом грузин Багратион, армянин Лорис Меликрв — канцлером, шотландец Барклай — фельдмаршалом и сын турка — Кутайсов, генералом, бывший начальником артиллерии в этом сражении, отдавший бессмертный приказ не оставлять позиций, стрелять по врагу, доколе неприятель «на пушки не сядет». Здесь он пал смертью героя, ведя в атаку солдат, и лишь лошадь с окровавленным седлом прибежала назад. Русские артиллеристы с честью выполнили его приказ есть описание неприятельского офицера в момент захвата батареи. «Я заметил среди этого беспорядка труп русского артиллериста, у которого было три ордена в петлице: казалось, что храбрец ещё дышит; в одной руке он держал обломок сабли, а другой крепко обнимал пушку, которой так хорошо послужил. Неприятельские солдаты, занимавшие редут, предпочли погибнуть, чем сдаться...». И ещё описание этого места: «Трудно представить себе что-нибудь ужаснее внутренних частей главного редута. Кажется, что целые взводы были разом скошены на своей позиции и покрыты землёй, взрытой бесчисленными ядрами. Тут же лежат канониры, изрубленные кирасирами около своих орудий; погибшая тут почти вся целиком дивизия Лихачева, кажется, и мёр-

твая охраняет редут» — это было описание участника сражения французского офицера Боссе.

Потери были огромны, уставшие солдаты прекращали стрельбу, и до сумерек гремели лишь пушки. По полю паслись табуны лошадей, потерявших всадников. Весь день дул холодный ветер, к ночи же стал накрапывать дождь, словно сама природа оплакивала жуткую бойню. Голодные солдаты искали в ранцах убитых кусок хлеба; запах пороха и крови стоял над полем.

Французский генерал Рапп, получивший свою двадцать вторую рану, из которых при Бородине было четыре, писал: «День кончился: пятьдесят тысяч человек легли на поле битвы. Множество генералов было убито или ранено: их выбыло из строя около сорока. Мы захватили пленных, отняли несколько орудий, но этот результат не вознаградил нас за потери, которых он нам стоил».

Прошло чуть больше месяца, и отступающая из Москвы армия «двунадесяти языков» снова шла через эти места. «За Колочей все угрюмо продвигались вперед, как вдруг многие из нас, подняв глаза, вскрикнули от удивленья! Все стали осматриваться: перед ними была утопанная, разоренная почва; все деревья были срублены на несколько футов от земли; далее — холмы со сбитыми верхушками; самый высокий казался самым изуродованным, словно это был какой-то погасший

и разбросанный вулкан. Земля вся вокруг была покрыта обломками касок, кирас, сломанными барабанами, частями ружей, обрывками мундиров и знамен, обгаренных кровью. На всей покинутой местности валялось тридцать тысяч наполовину обглоданных трупов. Над всеми возвышалось несколько скелетов, застрявших на одном из обвалившихся холмов. Казалось, что смерть раскинула здесь свое царство... Послышался долгий и печальный ропот: «Это — поле великой битвы!» Император быстро проехал мимо: холод, голод и неприятель гнали нас» — такими словами описывал проход армии объединенной Европы через Бородинское поле после ухода из Москвы граф де Сегюр, адъютант Наполеона.

Алексино.

До сих пор среди историков идет спор о том, кто же победил в сражении при Бородине? Вроде бы эта битва должна считаться победой Наполеона; главные позиции врага взяты, неприятельская армия отступила, правда, в полном порядке, но сдав столицу без боя. Да и Наполеон говорил, что весь 1812 год он только и делал, что бил русских. Но вот вопрос: как же тогда после таких постоянных успехов получилась Березина, а русские полки потом с музыкой вступили в Париж? Неувязочка получается с такой точкой зрения. Официально — патриотически настроенные историки объявляют, что в сражении победил М.И. Кутузов, разгромив

французско-европейскую армию, но как же быть с отступлением русских, сдачей Москвы? Опять неувязка, ибо если бы Наполеон ввел в бой гвардию, то исход сражения был бы предрешен — это понимали все участники битвы. Но победа все же была, о ней совершенно правильно написал в романе «Война и мир» Толстой как о победе моральной, что и показали дальнейшие события 1812 года. Огромная толпа оголодавших французов, поляков, итальянцев, испанцев, португальцев, голландцев, немцев из всевозможных королевств и княжеств, таща награбленное добро, и в конце концов теряя его вместе с жизнью на долгом пути по опустошенной Смоленской дороге, в давке на мостах через Березину, где за 100 лет до этого уходил Карл Шведский, на ледяных подъемах оврагов у Вильны, сжигая знамена уже несуществующих полков, добиралась, брошенная своим императором к границе, ища спасения.

Но это не послужило уроком и вновь, в 1941 году новый претендент на господство, шел тем же путем на нашу страну. И опять шли незваные гости грабить, убивать, учить цивилизации русских варваров. И опять был парад в мае 1945-го русских полков, но уже в Берлине, и радовался вместе со всеми победе бывший зек, великий русский патриот Петр Дмитриевич Барановский, начиная восстанавливать разрушенное, часами высиживая и выклянчивая в райкомах машины песка, цемента, кирпича не себе на дачу, но на спасение воссоздание храмов Руси, ее великой культуры, основанной на таких понятиях, как вера, совесть, нравственность, красота. На тех идеалах, которые нес в кишасщее разбойниками пограничье святой Герман Болдинский, пробуждая в одичавших от войн людях совесть и покаяние. И это ему удавалось, и шел он дальше, в другие места, прекратить беззаконие. Уроки, несущие эти идеалы, желание научить детей различать добро и зло, гордиться своей страной, быть патриотами, воспитание поколения людей, ставящих во главу не наживу, а совесть, понимающих, что нет науки, искусства, политики вне нравственности. Ответ на многие вопросы дает поле при Бородине.

Материал оформлен фотографиями автора.